

Российская академия наук
Институт психологии

СОЦИАЛЬНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Часть 2

Новые научные направления

Ответственные редакторы

Ю. В. Ковалева, Т. А. Нестик

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2018

УДК 159.9
ББК 88
С 69

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

Редакционная коллегия:

*Ю. В. Ковалева (отв. ред.), Т. А. Нестик (отв. ред.), А. Е. Воробьева,
Т. В. Дробышева, Т. П. Емельянова, Н. Н. Хащенко*

С 69 Социальная и экономическая психология. Часть 2: Новые научные направления / Отв. ред. Ю. В. Ковалева, Т. А. Нестик. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. — 523 с. (Труды Института психологии РАН)

ISBN 978-5-9270-0387-7

УДК 159.9
ББК 88

Вторая часть сборника научных трудов, посвященного 45-летию лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН и 70-летию академика РАН А. Л. Журавлева, включает статьи авторов по новым и остроактуальным социально-психологическим направлениям, формирующим будущий тренд развития отрасли. К рассмотрению предлагаются вопросы формирования и проявления личности в современных социальных условиях, предъявляющих все новые требования к ее возможностям. Среди них проблемы личности и инноваций, глобальных рисков, вторичной социализации в новых экономических условиях, а также нравственного выбора и ценностей на переломных этапах развития общества. Затрагивается ряд проблем группы и межгрупповых отношений, например, в условиях цифровой экономики, жизни в мегаполисе, современных профессиональных требований. Можно отметить и появление новых групп — объектов социально-психологического анализа, таких как волонтеры и мигранты. Отдельный раздел посвящен проблемам, относящимся к обществу в целом, его новым свойствам и формам. Так, представлены исследования проблем интернета и сетевых сообществ, цифровых следов, роботизации, глобализации в целом. Все эти работы объединяет направленность в будущее — постановка проблемы развития общества в новых условиях и попытка увидеть в ее решении перспективы социальной психологии.

Работа выполнена по гранту РФФИ № 18-013-20073

ISBN 978-5-9270-0387-7

Российская психология перед лицом «глобальных рисков»

И. А. Мироненко

Введение

В современном глобальном мире, где люди активно перемещаются из страны в страну, а социальные институты и процессы становятся транснациональными (подробнее см.: Россия в глобализирующемся мире..., 2007; Социально-психологическая оценка рисков..., 2017; и др.), наука тоже становится *глобальной* и закономерно изменяется, что предполагает формирование как новых объектов и предметов исследований, так и изменение совокупного субъекта исследовательской деятельности — научного сообщества (см.: Новое в науках о человеке..., 2015; Психологические исследования глобальных процессов..., 2018; и др.). Для естественных наук на первый план выходят процессы интеграции национальных наук в единую мировую науку, становление международной системы распределения труда ученых для достижения общего прогресса. Для социогуманитарных наук процессы интеграции существенно осложняются выраженной культурной опосредованностью как со стороны предмета, так и со стороны субъекта исследований.

Для «локальных», не относящихся к мейнстриму научных школ *глобализация*, наряду с новыми перспективами и возможностями, порождает целый ряд трудно разрешимых проблем, среди которых необходимо назвать проблему языка, проблему специфичности концептуального аппарата, используемого в национальных научных школах, и проблему имплицитных ценностно-смысловых устано-

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 17-06-50086-ОГН «Академическая интеграция в контексте становления глобальной психологии: вызовы и перспективы».

Автор благодарит А. Л. Журавлева за приглашение участвовать в конференции.

вок и картины мира в целом, присущих ученым национальных школ. Эти трудности находятся в фокусе внимания российского профессионального сообщества.

Страшна ли глобальная наука?

Тенденции глобализации в жизни мирового сообщества, диктуемая государственной стратегией необходимость входить в пространство мировой психологической науки, обязательно публиковаться в международных журналах и т. п. воспринимаются российским психологическим сообществом скорее как препятствия и риски, как угроза, чем как открытие новых перспектив (Мироненко, 2017). В коллективном сознании российского профессионального сообщества формирующаяся *глобальная наука* предстает как достаточно монолитная «универсальная» парадигма, в догматической и жесткой форме диктующая нам представления о человеке, методологию и теорию, для нас неприемлемые. Представление о ней, предположительно, строится по образу и подобию однополюсного мейнстрима «зарубежной» науки периода «холодной войны», с которой традиционно дискутировали советские ученые.

Такое представление не соответствует действительности (подробнее см.: Журавлев и др., 2018). Понятие «*глобальная психология*» вошло в мировой дискурс и интенсивно разрабатывается начиная с 1990-х годов, когда экономический и политический рост азиатских стран, рост национального самосознания, послужили толчком к критике западных психологических теорий. Несоответствие последних реальности жизни на местах, ограниченность этих теорий в объяснении и прогнозировании поведения и деятельности местного населения стали аргументом в пользу необходимости рассматривать психологические проблемы в контексте культуры той общности, к которой человек принадлежит, в контексте реального бытия в конкретном социуме. Иными словами, для психологии движение к глобализации с самого начала в существенной степени оказалось окрашенным «протестными» тенденциями сопротивления гегемонии западноцентрического мейнстрима, в котором после Второй мировой войны доминировала американская традиция.

Если за пределами Европы и Северной Америки в фокусе дискурса становления глобальной психологии находятся различия в предметной области психологических исследований, культурное раз-

нообразии людей, описываемых такими теориями которое делает очевидным ограниченность применимости западных теорий, то коренящийся в Европе дискурс фокусирован на процессах, происходящих в самом научном сообществе, со стороны субъекта психологических исследований. «Протестные» тенденции здесь тоже имеют место и направлены на преодоление сложившегося в психологии после Второй мировой войны тотального доминирования американской научной традиции. Представители «западных» школ отстаивают свои методологические предпочтения (Журавлев и др., 2018).

Дискурс становления глобальной психологии в зарубежной науке в целом направлен на становление дисциплины, способной адекватно ответить на вызовы времени, адекватно отразить психологию человека, живущего в современном мире, где происходит интенсивное взаимодействие культур, неизбежное в эпоху глобализации, и этот мир позитивно окрашен и овеян духом становления новых школ и роста разнообразия, освобождения от необходимости следовать устоявшимся положениям. Глобальная психологическая наука, формирование которой с неизбежностью происходит в процессе общей мировой глобализации, формируется как *сеть* различных по своим теоретико-методологическим основаниям, но активно *взаимодействующих центров*, что открывает новые возможности для совместного научного творчества (Журавлев и др., 2018).

Современная российская психология на пороге глобальной науки

Представляется, что выбора «вступить» или «не вступить» в глобальную психологическую науку у нас нет (см. также: Ковалева, Журавлев, 2017). Но мы можем еще выбрать, в каком качестве мы туда войдем: как «развивающаяся провинция» мировой науки или как наследники одной из великих школ XX в.

Современная российская психология сложилась на основаниях советской психологической науки. С падением советского государства были сняты идеологические и другие барьеры на пути развития психологии, которая в советское время искусственно удерживалась в русле монометодологического течения, естественнонаучного по своей ориентированности и основанного на марксистской философии, с приоритетом фундаментальных теоретико-методологических исследований. На фоне резкого сокращения программ фундаментальных исследований произошел бум в области психологического об-

разования и психологической практики, который с неизбежностью сопровождался радикальными изменениями в подготовке специалистов и выходом на рынок психологических услуг людей, уже никак не связанных с советской российской психологической школой. Достаточно вспомнить, что в 1984 г. в России психологов выпускали три университета (девять в СССР) и в весьма ограниченном количестве, а в 1990-е годы уже более 300 вузов России ежегодно выпускали более 5000 психологов. Таким образом, большая часть современного российского психологического сообщества к парадигме, сложившейся в советской психологии, непосредственного отношения уже не имеет.

Характеризуя в целом состояние психологии в России этого периода, авторы монографии «Психологическая наука в России XX столетия» обозначают его как *переходный период* от устойчивой, унифицированной и моноструктурированной системы к новой, в качестве существенной особенности которой прогнозировалась научно-практическая и прикладная ориентированность психологических исследований (Психологическая..., 1997).

Далее в цитируемой коллективной монографии отмечено возрастание в российской психологии удельного веса элементов и компонентов западноевропейской и американской моделей.

То, что было сильной стороной отечественной школы, — наличие мощных теоретических концепций и высокопрофессиональных специалистов в области теории и методологии — оказалось в значительной мере невостребованным. И напротив, неприоритетная в советской психологии часть психологической практики оказалась высоко востребованной (Служба социального развития..., 1989; Социально-психологические проблемы бригадной формы..., 1987; и др.).

На фоне сочетания процессов интеграции с мировой наукой и разрушения единства отечественного профессионального сообщества основную массу лавинообразного приращения психологического сообщества в 1990-е годы составили люди, обучавшиеся психологии по переводным учебникам и адаптированным пересказам под руководством преподавателей, не читавших оригиналов, что объясняется мощным приростом переводных зарубежных учебников на рынке психологического образования, который бурно разрастался в тот период. Нарастание *контрглобалистических тенденций* в современной России отчасти имеет в своей основе разочарование, которое постигло многих из этих людей при попытке выхода

на Запад. Их исследования на Западе не вызывают интереса, журналы их не печатают. И дело не столько в том, что Западу не интересна жизнь в России, а в том, что уровень многих статей не соответствует требованиям журналов. Это неудивительно, так как существенная часть этой группы ученых изучала иностранные теории по вторичным изложениям, современных западных журналов не читает и поэтому не может соответствовать сложившемуся там дискурсу. Можно было ожидать, что применение западных теорий в исследованиях на российской почве позволит получить новые интересные данные и позволит прийти к оригинальным прорывам в теории, но на сегодняшний день нет оснований говорить, что это произошло за четверть века развития нашей постсоветской (частично «прозападной») психологии или происходит сегодня. Можно согласиться с А. В. Юревичем (2009), что «скрытая» от Запада советская психология была Западу более интересна, чем современная, «широко открывшаяся ему», однако причина интереса — не в скрытости или открытости, а в том, что именно мы Западу показываем.

Однако в России еще есть научные центры и школы, развивающие широко понимаемый *субъектно-деятельностный подход*, к которому в мировой науке сохраняется высокий и устойчивый интерес. Так, в литературе отмечается, что с годами интерес зарубежных психологов к работам Выготского только возрастает, и это проявляется в росте индекса цитирования его работ. По данному показателю он в последние годы опередил многих классиков зарубежной психологии (Юревич, 2010; Кагров, 2005). У российских психологов есть все основания для полноценного участия в диалоге с представителями современного мейнстрима. Классические отечественные теории, известные на Западе, в частности популярная в интернациональной науке теория Л. С. Выготского, развивались и на родной почве, и развитие это было иным, нежели на Западе, и возьму на себя смелость сказать, что российские психологи продвинулись в этом значительно дальше зарубежных коллег. Так, теория Л. С. Выготского, признанная зарубежными коллегами, воспринимается ими в основном лишь в части описанного им механизма овладения культурой, но не в части понимания подлинно решающей роли культуры в формировании личности, революционного пафоса этой теории: «Культурно-историческую концепцию Выготского мог создать только человек, живший в эпоху революционных перемен, атеист, свято веривший в возможность „формирования нового человека“ в рам-

ках марксистской психологии, т. е. исповедовавший иудео-христианскую идею мессианства в ее новой сайентистской форме» (Петренко, 2007, с. 141).

Помимо диалога в области известных интернациональному читателю теорий представляет интерес и возможность обсуждения ряда научных концепций, сложившихся в русле субъектно-деятельностного подхода, которые в России справедливо полагают классическими и которые остаются за пределами России явно недостаточно известными. Прежде всего, необходимо назвать теорию Б. Г. Ананьева, содержание которой относится к областям, остро актуальным сегодня в мейнстриме, таким как Life-Span Human Development, влияние личности на психофизиологические функции, и др.

Таким образом, интеграция данного направления в мировую науку, как представляется, не только максимально может быть там востребована, но и способна мировую науку обогатить.

Нужна ли интеграция российским ученым?

С уверенностью могу сказать: *для того чтобы субъектно-деятельностный подход мог содержательно развиваться дальше, он должен быть интегрирован в мировую науку, только так может развиваться российская психология.* В самой России сегодня недостаточно необходимых ресурсов и соответствующего крупного социального заказа на фундаментальные разработки такого уровня и такой направленности. Уже стали повторяющимися слова о том, что в России фундаментальная наука мало финансируется. Уже никого не удивить тем, что на долю России приходится 1,7% валовых внутренних расходов на исследования и разработки в мире (Unesco..., 2015a). Для сравнения, на долю США приходится 28,1%, на долю Китая – 19,6%, на долю Японии – 9,6%, Южной Кореи – 4,4%. Как-то при этом российская наука все же развивается.... Думается, нашим психологическим сообществом не вполне осознано место *психологии* в настоящем и будущем российской науки. Уместно вспомнить, что в России принята программа приоритетного развития восьми направлений (отраслей) науки, на финансирование которых расходуются практически основные, что на науку в целом выделяется. Это:

1. Безопасность и противодействие терроризму.
2. Индустрия наносистем.

3. Информационно-телекоммуникационные системы.
4. Науки о жизни.
5. Перспективные виды вооружения, военной и специальной техники.
6. Рациональное природопользование.
7. Транспортные и космические системы.
8. Энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика¹.

При этом отмечается, что «Динамика затрат на ИР свидетельствует о растущей концентрации ресурсов на приоритетных направлениях развития науки, технологий и техники в Российской Федерации... Удвоился удельный вес приоритетных направлений в общем объеме внутренних затрат (с 34,8% в 2006 г. до 68,6% в 2015 г.)» (Исследования..., 2016, с. 1). На что же можно рассчитывать психологам, среди прочих неприоритетных научных направлений? Важно заметить, что доля расходов на развитие психологии в США пишется отдельной строкой, составляет почти треть того, что получают физики, и в последние десятилетия постоянно возрастает (Unesco, 2015).

Современные лаборатории, конечно, дорого стоят. В постперестроечные десятилетия активно обсуждались проблемы массового отхода российских психологов от естественнонаучной парадигмы и растущей популярности парадигмы гуманитарной. В методологических предпочтениях ли дело? Могло ли быть иначе в условиях отсутствия экспериментальных лабораторий? Много ли желающих профессионально учиться субъектно-деятельностному подходу в современной России на факультетах психологии, где редкостью становится реальный лабораторный практикум и обучение эксперименту? *Вот в этом я вижу «риски глобализации», которые угрожают российской психологии. Утрата значимости и значения, утрата собственного лица и достойного места в пространстве мировой психологической науки будущего.*

Субъектно-деятельностный подход в широком его значении и естественнонаучной постановке развивался в другой стране, с другой культурой и уже с другой ментальностью, в других университетах. Возможно, те, кто закончили университеты до перестройки, — по-

1 Указ президента Российской Федерации «Об утверждении приоритетных направлений науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» от 7 июля 2011 г.

следнее поколение, которое научено понимать эти тексты, владеть этим языком, этим понятийным аппаратом. За ними «слой» стремительно истончается. Если не обеспечить вхождение в мировую психологическую науку разработок отечественного субъектно-деятельностного подхода, тех научных концепций, которые пока не вошли туда, то их, скорее всего, ждет судьба артефактов. Отказ от изоляционистских тенденций, активное участие в диалоге, развитие сотрудничества и интеграция сегодня представляются необходимыми для развития самой отечественной науки. Можно согласиться с утверждением, что «Сегодня позиция автаркии (самодостаточности) и квазипатриотизма российской науки не просто бесперспективна в силу отсутствия необходимых для этого у современной России огромных материальных и финансовых средств. Такая стратегия губительна, так как в силу своей иллюзорности приведет к полной растрате даже тех возможностей, которыми пока еще располагает отечественная наука» (Лебедев, 2012, с. 147–148).

Из новых оригинальных, российских по своим корням направлений, развившихся в постперестроечный период, можно назвать христианско-православную, или религиозно-философскую, психологию, которая активно развивается, ряды ее сторонников сегодня ширятся, продолжая традиции направления, существовавшего в России в досоветский период. Это совершенно оригинальное направление в мировой науке, тесно связанное с российской культурой, ориентированное в своей практике на обширный российский рынок, а в своей теории основывающееся преимущественно на русскоязычных источниках и апеллирующее к российской ментальности. Если внимательно проанализировать, то к этому научному направлению в последние годы тяготеют работы таких российских психологов, как: Н. В. Борисова, Б. С. Братусь, М. И. Воловикова, А. А. Гостев, В. А. Кольцова, В. А. Пономаренко, В. Е. Семенов, В. А. Соснин, А. В. Сухарев, Флоренская и многие другие.

Может показаться парадоксальным, но, фокусируясь на уникальности российской культурной идентичности, это направление созвучно идеям, положившим начало движению к глобальной психологии в мировой науке, отвечает установке на исследование личности в культурном контексте, с применением адекватного ему теоретико-методологического аппарата. Ее интеграция в глобальный контекст представляется органичной, так как в сети глобальной психологии российская наука может и должна сохранить свою специ-

фичность, потому что именно своей уникальностью она может быть интересна и полезна в мировой науке.

Заключение

В эпоху глобализации с неизбежностью происходит формирование глобальной науки, что предполагает как формирование новых объектов и предметов исследований, так и изменение совокупного субъекта исследовательской деятельности — научного сообщества. Выбора «вступить» или «не вступать» в глобальную психологическую науку у российской психологии нет. Но пока мы можем выбирать, в каком качестве туда войдем: как «развивающаяся провинция» мировой науки или как наследники одной из великих школ XX в.

Вызывает сожаление, что в российском профессиональном сообществе вхождение в глобальную науку воспринимается как некоторая угроза и риски. В коллективном сознании сообщества формирующаяся глобальная наука предстает как достаточно монолитная «универсальная» парадигма, в догматической и жесткой форме диктующая нам представления о человеке, методологию и теорию, для нас неприемлемые. Такое представление не соответствует действительности. Глобальная психология формируется как *многополюсное сетевое образование* (см.: Журавлев и др., 2018), включающее весьма различные центры, не как новое единое теоретическое течение, но, скорее, как дивергентное развитие новых и переосмысливаемых старых психологических теорий в попытках дать объяснение новым эмпирическим реалиям, порождаемым эрой глобализации. Для российской психологической науки представляется необходимым отказ от изоляционистских тенденций, активное участие в диалоге, развитие сотрудничества и интеграция на новом этапе развития мировой науки. Это представляется необходимым условием будущего субъектно-деятельностного (в широком, характерном для отечественной психологии) подхода в контексте мировой науки, так как объективная реальность существования психологической науки в России, отсутствие финансирования, необходимого для развертывания современных лабораторных исследований, без которых невозможно развитие подхода в русле присущей ему естественнонаучной методологии, не оставляет надежды на его будущее в современной России. В то же время идеи и подходы, рожденные в контексте парадигмы, развивавшейся в советской науке, не утратили значимости в контексте мирового

развития психологии, и возможности их не исчерпаны. Утрата этого достояния, превращение в «развивающуюся провинцию» мировой науки представляются главным «глобальным риском» для российской психологической науки.

Интересными представляются и перспективы интеграции современной православной психологии, методология которой созвучна основной установке «глобальных» подходов: исследовать личность в культурном контексте, с применением адекватного ему теоретико-методологического аппарата.

В сети глобальной науки российская психология может занять достойное место, обладая серьезным теоретико-методологическим базисом и знанием психологических особенностей многомиллионного народа. В то же время российская психология может и должна сохранить свою особость, специфичность, которой она может быть интересна и полезна, а значит — востребована.

Литература

- Журавлев А. Л., Мироненко И. А., Юревич А. В.* Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 2. С. 58–71.
- Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники // Наука. Технологии. Инновации. Вып. от 28.12.2016.
- Ковалева Ю. В., Журавлев А. Л.* Глобальная психология в условиях современных глобальных вызовов // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 1830–1838.
- Лебедев С. А.* Наука в глобальном мире // Век глобализации. 2012. № 2. С. 145–151.
- Мироненко И. А.* От прогноза — к форсайту будущего российской психологии // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 119–123.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина, ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2015.
- Петренко В. Ф.* Школа А. Н. Леонтьева в семантическом пространстве психологической мысли // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 4. С. 138–156.

- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского. М., 1997.
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007.
- Служба социального развития предприятия: практическое пособие. М.: Наука, 1989.
- Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное / Под науч. ред. О. А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017.
- Социально-психологические проблемы бригадной формы организации труда / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1987.
- Юревич А. В.* Российская психология в мировом мейнстриме // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. Вып. 3. С. 76–89.
- Юревич А. В.* Оптимум интеграции // Наука. Инновации. Образование. 2010. Вып. 9. С. 45–56.
- Karpov Y. V.* The Neo-Vygotskian Approach to Child Development. Cambridge, 2005.
- UNESCO Science Report: towards 2030. Published in 2015 by the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. 2015a.
- UNESCO Science Report: towards 2030 – Executive Summary. Published in 2015 by the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. 2015b.